

Дверь кабинета заведующего патологоанатомическим отделом НИИ судебной экспертизы имела узкую декоративную вставку со встроенным матовым стеклом. Такая конструкция позволяла людям снаружи увидеть, есть ли кто-то в небольшой приёмной кабинета, не мешая при этом работе внутри.

Ци Шаньюй в тот раз мельком взглянул сквозь матовое стекло. Хотя он не мог разглядеть лиц Лю И и Ин Чуаня и не слышал, о чём они говорят, язык их тел был красноречив — они стояли чрезвычайно близко, их лица почти соприкасались, и поза напоминала поцелуй.

Его Лю-гэ, который только что поцеловал его самого, теперь целовал кого-то другого...

— Эй, Сяо Ци, ты сейчас своей булочкой лепёшку сделаешь! Будешь ты её есть или нет?

Услышав рядом голос Ань Пиндуна, Ци Шаньюй вздрогнул, очнулся и поспешно опустил взгляд. В левой руке он и вправду сжимал паровую булочку с мясом, уже давно остывшую и бессознательно расплюснутую в его ладони. Растопившийся жир просочился наружу и теперь капал по его запястью.

Он наскоро доел холодную булочку, вытер руки и рот, затем с силой похлопал себя по щекам, заставляя себя вновь сосредоточиться на работе и не думать о Лю И и Ин Чуане.

Ци Шаньюй говорил себе, что ему давно следовало понять: его Лю-гэ, которого он любил, был выдающимся человеком.

Выдающиеся люди всегда особенно легко привлекают восхищение окружающих, поэтому то, что кто-то ещё тоже влюбился в Лю И, вовсе не удивительно.

Более того, Ци Шаньюй вынужден был признать, что тот человек, казалось, превосходил его во всём. Если бы Лю И тоже решил отказаться от него и выбрать лучшего — Ин Чуаня, — то чем он мог бы с ним соперничать?

Как раз когда Ци Шаньюй вновь невольно начал теряться в мыслях, лежащий на столе мобильный телефон издал звук уведомления. Он взял его и увидел сообщение от Лю И: [Результаты сравнения образцов, которые вы принесли утром, готовы. Когда придёте забрать?]

Прочитав, Ци Шаньюй почувствовал, что колющая боль в сердце в одно мгновение разрослась до почти заполняющей грудную клетку тяжёлой тоски.

Как он мог не разглядеть в этом сообщении из WeChat маленькую хитрость Лю И?

Если бы дело было только в результате анализа ДНК дяди Хуан Цзысяна, Лю И мог бы просто сообщить, совпадают ли образцы, вовсе не обязательно было лично за этим приходить. То, что он так написал, явно было предлогом для встречи.

Но если Лю И уже целовался с Ин Чуанем, то зачем ему теперь заигрывать с ним? Считает его запасным вариантом?

Чем больше Ци Шаньюй думал, тем горше становилось на душе.

Он не мог заставить себя возненавидеть Лю И, но и не мог убедить себя принять такое очевидно непостоянное поведение.

Увидев сообщение, он и вправду подумал о том, чтобы пойти прямо сейчас и начистоту

поговорить с Лю И, сказать тому, чтобы не относился к нему как к игрушке, которую можно дразнить, когда вздумается. В такие игры он играть не умел.

Но Ци Шаньюй также понимал, что если он действительно скажет всё это, то между ним и Люгэ, можно считать, всё кончено. Не только эта неопределенная неясность, но, боюсь, и самая обычная дружба на этом завершится...

Он уставился на телефон, долго колеблясь. Лю И, не получив ответа, отправил ещё одно сообщение: [Сегодня я весь день в НИИ, можете прийти в любое время.]

Ци Шаньюй в раздражении швырнул телефон.

Несчастный аппарат с грохотом ударился о стол, заставив сидевшего рядом с офицером Ци Ань Пиндуну вздрогнуть.

— Эй, Сяо Ци, что такое? Что случилось?

Ань Пиндун, решив, что Ци Шаньюй увидел в телефоне какую-то дурную вест, тут же нервно придвинулся и засыпал его вопросами.

Ци Шаньюй поспешно замотал головой:

— Ничего, просто рука дрогнула, телефон упал на стол.

Ань Пиндун приподнял бровь, водя взглядом по лицу Ци Шаньюя:

— Ты сегодня какой-то странный, весь будто не в себе.

Он многозначительно хмыкнул:

— Неужто несчастная любовь?

На самом деле Ань Пиндун, конечно, не вкладывал в слова особого смысла, просто как старший товарищ в шутку поддразнил напарника, который был младше его на целый ранг. Однако Ци Шаньюй воспринял это близко к сердцу и почувствовал сильную неловкость.

Раньше он всегда считал себя достаточно рациональным человеком, способным разделять личную жизнь и работу, не позволяя чувствам влиять на служебное состояние. Даже когда он расстался с Ли Цзинем, то не принёс эмоции от расставания на следующее утро на расследование.

Но теперь, похоже, его так называемая рассудительность была лишь следствием того, что раньше он не встречал по-настоящему дорогого, от кого было бы трудно отказаться, человека.

Лю И обнаружил, что Ци Шаньюй явно избегает его.

В тот день, после отправки сообщения, Ци Шаньюй ему так и не ответил и в НИИ не пришёл, лишь отправил какого-то только что выпустившегося молоденького офицера сбежать туда-сюда, тот радостно принёс обратно заключение «образцы имеют родственную связь».

Лю И догадался, что Ци Шаньюй, наверное, увидел сцену его разговора с Ин Чуанем, нафантазировал себе бог знает чего, решил, что его вот-вот бросят после короткого увлечения, и теперь страдает.

Хотя Лю И считал себя несправедливо обвинённым — очень и очень, — но, поразмыслив над той сценой, понял, что они с Ин Чуанем и вправду стояли тогда довольно близко, плюс у того были несколько слишком неясными жестами, одним неверным взглядом действительно легко было понять превратно, нечего и винить офицера Ци, что тот ошибся.

К тому же у Ци Шаньюя был печальный детский опыт, когда он своими глазами увидел, как мама наставляет отцу рога, поэтому к подобным вещам он изначально был особенно чувствителен.

Лю И считал, что раз он старше юноши на целых шесть лет, то в некотором роде является «старшим» и в такой момент должен проявить немного степенной, заботливой зрелости: обнять человека, как следует утешить, успокоить, а потом дать горячий поцелуй. А если удастся воспользоваться моментом, когда тот растроган, чтобы естественным образом развить некую глубокую связь — например, слияние души и тела, — то будет ещё лучше.

Но планы — это одно, а согласие другой стороны — совсем другое.

Ци Шаньюй твёрдо решил избегать Лю И. Все эти дни он упорно не отвечал на флиртующие сообщения, на звонки если и отвечал, то не говорил больше трёх фраз не по делу, а сам ни разу в НИИ не появился — по словам других офицеров, они в последние дни были заняты выездами на места, повсюду проводили опросы, им просто некогда было приходить!

У Лю И в животе скопилась уйма сладких речей, но сказать их адресату было решительно некому. Он злился не на шутку, но офицер Ци ведь занимался важным делом, ничего не поделаешь, оставалось только втихомолку считать дни на пальцах, размышляя, что когда-нибудь он непременно взыщет этот долг сполна с того маленького негодяя.

Однако их своеобразная «холодная война» длилась недолго, потому что спустя пять дней, в воскресенье 25 апреля, рано утром появилась третья жертва этой серии убийств.

Третьего погибшего звали Ван Лисин, и, как и первого, Хуан Цзысяна, его тело обнаружили в его собственном доме.

Дом Ван Лисина находился в прибрежном районе развития, на первом этаже старого девятиэтажного дома без лифта.

Квартира, где нашли тело, имела одну спальню, гостиную, кухню и санузел, площадь около шестидесяти квадратных метров. В настоящее время она числилась на Ван Лисине, это была вторичная квартира, которую покойный приобрёл лишь в прошлом году.

Поскольку два года назад в жилом комплексе централизованно установили лифты, а шахта как раз перекрыла окна этой квартиры, из-за чего гостиная стала особенно тёмной, средняя цена за квадратный метр здесь была на тридцать процентов ниже, чем в других квартирах того же дома.

Первооткрывателем тела стал доставщик воды.

Как и в случае с Хуан Цзысяном, вечером 24 апреля на номер телефона Ван Лисина поступил заказ через WeChat, заказавший доставку двух бутылей воды утром 25 числа.

Однако 25 числа доставщик был занят и донёс заказ Ван Лисина только ближе к вечеру.

Но на этот раз, в отличие от ситуации с Хуан Цзысяном, доставщик сказал, что не звонил Ван

Лисину, потому что обнаружил, что дверь в квартиру Ван Лисина была неплотно закрыта — в щели была зажата пачка бумажных салфеток. Едва он постучал рукой, дверь сама открылась внутрь.

<http://bllate.org/book/16545/1508561>